

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.1

А. Д. Передня

СТРУКТУРА ИМЕННЫХ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ
В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ (СУБСТАНТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье предпринимается попытка описания круга именных словоизменительных категорий, характерных для имени существительного (субстантивных категорий) в древнеуйгурском языке. На основании фактического материала можно выделить пять субстантивных словоизменительных категорий, а именно: категория множественности (*-lar*), категория принадлежности (*-(y)m*, *-η*, *-(s)y*, *-(y)myz*, *-(y)nyz(lar)*, *-lary* (*-sy*)), категория склонения (представлена семью падежами: родительный (*-(n)yη*), винительный (*-(y)y*, *-ny*, *-(y)n*, в редких случаях *-ay*); дательный (*-(q)a*), местный (*-(d)a*), исходный (*-dyn*, *-tyn*), инструментальный (*-yn*), экватив (*-ča*), направительный (*-yaru*)), категория именной сказуемости (основа имени + *män*, основа имени + *sän*, основа имени + *biz*, основа имени + *siz*, основа имени + *ol*) и категория вторичной репрезентации (гипостазирования) (*-ki*). Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: Древнеуйгурский язык, именные словоизменительные категории, субстантивные категории.

CATEGORY OF DECLENSION IN ANCIENT UIGHUR

A. D. Perednya

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The following article represents an attempt to describe the range of nominal inflectional categories which are typical to noun (substantive categories) in the Old Uighur. Based on the material of the language, it distinguishes five substantive inflectional categories, namely: category of plurality (*-lar*), category of possession (*-(y)m*, *-η*, *-(s)y*, *-(y)myz*, *-(y)nyz(lar)*, *-lary* (*-sy*)), category of declension (represented by seven cases: genitive(*-(n)yη*), accusative (*-(y)y*, *-ny*, *-(y)n*, in rare cases *-ay*); dative (*-(q)a*), locative (*-(d)a*), ablative (*-dyn*, *-tyn*), instrumental (*-yn*), equative(*-ča*), directive (*-yaru*)), category of nominal predicate (stem + *män*, stem + *sän*, stem + *biz*, stem + *siz*, stem + *ol*), category of secondary representation (hypostatization) (*-ki*). Refs 16.

Keywords: Old Uighur, nominal inflectional categories, substantive categories.

В предлагаемой статье предпринимается попытка описания круга именных словоизменительных категорий, характерных для имени существительного (субстантивных категорий). Под именами существительными следует понимать лексемы, «объединенные классифицирующим грамматическим значением предметности» [1, с. 51].

Словоизменительная категория представляет собой совокупность форм, имеющих одно общее или разные, но однородные родственные служебные значения. В древнеуйгурском языке категория также может быть представлена всего одной формой с автономной семантикой. На основании фактического материала можно выделить пять субстантивных словоизменительных категорий, а именно: категория множественности (*-lar*), категория принадлежности (*-(y)m*, *-η*, *-(s)y*, *-(y)myz*, *-(y)nyz(lar)*, *-lary (-sy)*), категория склонения (представлена восемью падежами: родительный (*-(n)yη*), винительный (*-(y)y*, *-ny*, *-(y)n*, в редких случаях *-ay*); дательный (*-(q)a*), местный (*-(d)a*), исходный (*-dyn*, *-tyn*), инструментальный (*-yn*), экватив (*-ua*), направительный (*-yaru*)), категория именной сказуемости (основа имени + *män*, основа имени + *sän*, основа имени + *biz*, основа имени + *siz*, основа имени + *ol*) и категория вторичной репрезентации (гипостазирования) (*-ki*). Термин «гипостазирование» был разработан и введен Ленинградской, а позднее Санкт-Петербургской школой тюркологии [1, с. 104].

Категория множественности представляет собой одночленную категорию с показателем *-lar*, «коммуникативным предназначением которой является сигнализация о том, что предметы, называемые основами, находятся во множестве» [1, с. 132]. Во многих тюркских языках данная категория скорее передает множество в тех случаях, когда это необходимо, так как нельзя утверждать, что имя без показателя *-lar* присутствует в единственном числе. Так, в древних языках аффикс *-lar* в основном сочетается с лексемами, обозначающими лиц высокого положения (родственников каганов, беков и т. д.) [2, с. 145], т. е. с лексемами, которые обозначают достаточно высокое положение того или иного человека в обществе. Традиционно в отечественной тюркологии форму без показателя *-lar* исследователи считали формой единственного числа [3, с. 31–32]. Зарубежные тюркологи признают категорию множественности не одночленной, а «бинарной», в которой «множество» представляет собой маркированный показатель, т. е., по их мнению, объекты во множественном числе обычно отмечены показателем *-lar*, но из этого не следует, что отсутствие данного элемент сигнализирует о том, что объект находится в единственном числе [4, р. 158]. Что же касается категории множественности в древнеуйгурском языке, автору представляется, что вышеуказанную категорию следует считать одночленной, а лексема без показателя *-lar* (а) в древнеуйгурском языке в зависимости от контекста может толковаться как единственное число или как совокупность чего-либо. При этом форма с показателем *-lar* (б) в древнеуйгурском языке, скорее всего, выражает не просто множественность, а указывает на разнородность объектов.

(а) ...*igid saqynu neud toysar köñülüğ tebrätgäli umaz...* (BUYZ XIV 177, 14) «...сколько бы ни возникало дурных мыслей, они не могут заставить сердце шевелиться...»; (б) ...*alqu saqynulartyn ertip qylmaqsyз jorymaqsyз adyrsyysyz tebränuşiz uynşu tegmä ertük teg kertü töztä köñüllärin turyurmaq ornatmaq jemä qajü erür tip tisär...* (Suv 286–20) «...если спросить, каким же является преодоление (букв. минувя) всех своих желаний и утверждение своих помыслов на подлинной основе, какой называется бездеятельная, неподвижная, неизменная и непоколебимая абсолютная сущность...»

Интерес также представляют примеры, в которых аффикс *-lar* употреблен и при наличии числительного, что является невозможным для многих тюркских языков:

...*bu iki uluy jaijylqlar bu qamay ///yynua ikägü barua bütä teginmiş erdi...* (Hüen. V14 8–11) «...эти два больших павильона были полностью отстроены до прибытия всех /участников/ собора...»

Можно предположить, что подобное употребление числительного и аффикса *-lar* — следствие того, что текст является не оригинальным, а «переводным».

Категория принадлежности представляет собой совокупность форм, объединенных одним общим для всех членов этой совокупности значением «грамматической принадлежности», но различающихся формоизменительными значениями грамматического лица [1, с. 133]. В отечественной тюркологии традиционно считалось, что данная категория имеет значение «реальной», конкретной принадлежности [5, с. 73]. Под «реальной принадлежностью», по всей вероятности, понимается отношение личной собственности: когда один предмет является собственностью другого предмета. Однако фактический материал древнеуйгурского языка позволяет сделать предположение, что формы исследуемой категории способны выступать в качестве морфологических средств передачи не только так называемой «реальной принадлежности», но и «принадлежности в широком грамматическом смысле» [6, с. 43]. Рассматриваемая категория в древнеуйгурском языке представлена следующими личными показателями: *-(y)m* (а), *-η* (б), *-(s)y* (в), *-(y)myz* (г), *-(y)nyz(lar)* (д), *-lary* (*-sy*) (е).

(а) ...*örün köpükümin sauar men...* (ThS II 30) «...я брызжу белой пеной...»;
(б) ...*isig özümüzni üztürdün ersär...* (Suv 3, 9–10) «...если ты погубил нашу жизнь...»;
(в) ...*senin isig öz alymuylaryn...* (Suv 5, 16–17) «...те, кто отнимают твою жизнь...»;
(г) ...*kim sizlärnin ayyzyznyzlarda bu muntay түрлүг edgü sav ešidgäli...* (BTT IX 0–2 r 16–18) «...услышал у вас такие вот разнообразные хорошие слова...»; (д) ...*šila aditi ilig bæg /ig/ ordu qapuyuna jaqyn tegdüktä ötrü ilig beg jgrmi uluy nomuy baqlylar bird utruiñp orduqa kigbrp olyurtdy...* (Hüen. V 9–15) «...когда они приблизились к воротам дворца правителя Шиладиты, правитель вместе с двадцатью выдающимися учеными — знатоками закона — вышел навстречу, ввел (их) во дворец и усадил...»;
(е) ...*kim ularnyñ tapuyulary uDMAqlary az-u jma jaña kötürgülär...* (Hüen. V 13–14) «...когда они вместе со слугами, прибыв верхом на слонах...».

Большой интерес вызывает и проблема происхождения форм принадлежности. До сегодняшнего времени на этот вопрос нет однозначного ответа. Существует точка зрения, в соответствии с которой личные показатели 1-го и 2-го лица единственного, а иногда и множественного числа являются редуцированными формами личных местоимений. Эти аффиксы восходят к предикативным показателям, а предикативные показатели — к личным и лично-указательным местоимениям [7, с. 76]. По другой версии, личные показатели в формах принадлежности происходят от формы родительного падежа личных местоимений. Процесс сокращения (редуцирования) форм родительного падежа личных местоимений 1 и 2-го лица происходил по-разному. Местоимение 1-го лица, утратившее самостоятельное ударение, стало терять составляющие его звуки с конца, вследствие чего сохранился лишь начальный звук */m/*, ставший основной морфемой принадлежности 1-го лица; местоимение же 2-го лица, сокращаясь от начала к концу, сохранило конечный */η/* в качестве соответствующей морфемы в форме принадлежности [8, с. 7–10]. Однако с данной версией сложно согласиться, поскольку вероятнее всего показатель родительного падежа возник намного позже, чем показатели принадлежности, о чем говорит сравнительно-исторический анализ тюркских языков [9, с. 96].

Категория склонения в древнеуйгурском языке состоит из совокупности падежных форм. *Падежной формой* следует считать форму имени, местоимения или

любой субстантивированной части речи, которая появляется в зависимости от отношения этих слов к другим словам в предложении [1, с. 148]. У исследователей сложились различные представления о количестве падежных форм в древнеуйгурском языке. В отечественной тюркологии одни исследователи отмечают присутствие *семи* падежных форм в древнеуйгурском языке: основной (или прямой), винительный, инструментальный, местный, исходный и притяжательный (или родительный) [10, с. 32–37]. Другие исследователи полагают, что в древнеуйгурском языке следует рассматривать *девять* падежных форм — основной, родительный, дательный, дательно-направительный, винительный, местный, исходный, инструментальный и сравнительный [11, с. 40]. В западной тюркологии традиционно рассматривают *восемь* падежных форм в древнеуйгурском языке, а именно: родительный (Genitiv), дательный (Dativ), винительный (Akkusativ), местно-исходный (Lokativ-Ablativ), исходный (Ablativ), инструментальный (Instrumental), экватив (Äquativ) и направительный (Direktiv). К тому же к числу падежей причисляют и форму имени, обозначая ее как неопределенный падеж (Kasus indefinites) и утверждая, что данная форма является именем с нулевым окончанием и выполняет функцию как именительного падежа, так и неопределенной формы имени [12, р. 86–89]. Западные исследователи более позднего периода отмечают присутствие двенадцати падежей: именительного (nominative), родительного (genitive), винительного (accusative), дательного (dative), местного (locative), исходного (ablative), инструментального (instrumental), экватива (equative), направительного (directive), разделительно-местного (partitive-locative), уподобительного (simulative) и комитативного (comitative) [4, S. 182]. На основании проведенного исследования фактического материала древнеуйгурского языка автором были выделены восемь падежных форм: родительный, винительный, дательный, местный, исходный, инструментальный падежи, экватив и направительный падеж. Автором принимается точка зрения, согласно которой в древнеуйгурском, как и в некоторых других тюркских языках, отсутствует форма «основного», или «именительного», падежа. Традиционно считалось, что данная форма в тюркских языках не имеет специального падежного показателя и представляет собой основу имени, при этом является смысловым эквивалентом винительного падежа, выражая объект действия [10, с. 32]. Также считалось, что эта форма представляет собой основную, исходную, словарную форму существительного, способную употребляться в функции любого члена предложения и противостоящую всем остальным падежам как падеж подлежащего [13, с. 17]. Однако, опираясь на разграничение таких понятий, как «значение» и «смысл», можно увидеть, что «под призванием основной “формы” передавать разнообразные связи следует понимать не наличие у нее значения, несущего в себе информацию о таковых, а способность выражать в речи в качестве смыслов и такие предметные связи, которые передаются посредством некоторых конкретных падежных форм (участие предмета в притяжательной связи в качестве обладателя, быть объектом прямого, непосредственного воздействия или обстоятельством какого-либо события)» [14, с. 107]. Сама же форма не сигнализирует о передаче каких-либо связей, что свидетельствует об отсутствии так называемого нулевого падежного показателя. Следовательно, «с функциональной точки зрения неаффиговое существительное не имеет отношения к категории склонения и, следовательно, в турецком языке отсутствует и именительный, или основной падеж (нет аффикса — нет и формы или категории)» [14, с. 107].

Материал памятников дает возможность убедиться в том, что существительное без показателя не сигнализирует о передаче каких-либо связей, в которые вступает предмет. В нижеприведенных примерах неаффигированные существительные скорее представляют собой часть «устойчивых» выражений с глагольными формами, которые сложились в древнеуйгурском языке в момент создания памятников:

...*munday bu adunusuz jazuq jazyntyрыз ersär...* (Chuast B 35) «...если мы совершили такой неискупимый грех...»; ...*bir aj uaqšapat tutmaq kergäk erdi...* (Chuast L 129) «...было необходимо соблюдать месячный обет воздержания...»; ...*neud jav-laq saqynu saqynur biz...* (Chuast L 137) «...сколько у нас несправедливых мыслей (букв. сколько ужасных дум мы думаем)...».

Родительный падеж в древнеуйгурском языке выражает принадлежность одного предмета или явления другому предмету или явлению. В памятниках форма родительного падежа образуется следующими показателями: *-нуң, -ниң* (а); *-уң, -иң* (б).

(а) ...*iki köziniң ülgüsü...* (Suv 46, 18) «...величина его обоих глаз...»; (б) ...*qatunun bir tapуууу kyzy...* (Chuast L 621–15) «...одна служанка госпожи [Катун]».

Винительный падеж выступает как морфологическое средство указания на то, что предмет, называемый основой, воспринимается автором высказывания как объект прямого воздействия. В древнеуйгурском языке форма винительного падежа представлена следующими показателями: *-уу, -ig, -у, -üg* (а); *-ну, -ni* (б), в редких случаях *-ау* (в); *-у, -g, -n* (г); *-уң, -in* (д); *-ну, -ni* (е).

(а) ...*bu savlaryy ešidip ol törütä jyylymyš qamay kišilär adyntylar...* (Suv 16, 17) «...услышав эти слова, все люди, собравшиеся на этой церемонии, удивились...»; (б) ...*any otaju utajaj...* (Man I 15, 8) «...[они] не смогут его вылечить...»; (в) ...*tyñlyyay turalyyay... neud qorqytdymyz ürkätdimiz ersär...* (Chuast. 35–37) «...сколько ни пугали мы... живые существа...»; (г) ...*ojma er oylanyn kišisin tutuy urupan...* (ThS II, 43) «...азартный человек поставил в качестве залога свою родню...»; (д) ...*örün köpükümin sauar men...* (ThS II 30) «...я брызжу белую пену...» (букв. Я брызжу белой пеной); (е) ...*jüzünni...* (ВТТ XIII 02, 4–6) «...твое лицо...».

Форма дательного падежа является одной из многозначных форм в древнеуйгурском языке и представлена следующими показателями: *-qa, -kä; -a, -ä, -ña, -ñä*. Фактический материал памятников показывает, что данный падеж выражал направленность действия в прямом и переносном смысле (а), а также время протекания действия (б).

(а) ...*uluyqa kiuiğkä tegi...* (Chuast L 87) «...от мала до велика (букв. вплоть до старых и малых)...»; (б) ...*bir jylqa elig kün aryу dintarua vušanti olursuq törü bar erdi...* (Chuast L 115) «...был закон [совершать], подобно истинным манихейцам, пятьдесят дней в году [совместное] сидение-трапезу...».

Форма местного падежа в древнеуйгурском языке сигнализирует о том, что предмет является либо местом, точкой или пространством (а), в котором происходит какое-либо событие, либо моментом или временным отрезком (б), в течение которого происходит событие [1, с. 92]. Форма местного падежа в древнеуйгурском языке образуется следующими показателями: *-ta, -tä; -da, -dä*.

(а) ...*teginusiz tamuta...* (Suv 99, 14) «...в аду, куда не следует попадать...»; (б) ...*ötrü bütär bir jylta alty käšinlär saqşy...* (Suv 589, 18) «...затем в одном году завершается счет шести кешинам [отрезкам времени в два месяца]...».

Форма исходного падежа, так же как и формы дательного и местного падежей, многозначна. Данная форма сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, является объектом, от или из которого направлено действие (а), или объектом, сквозь который совершается действие (б). Форма исходного падежа в древнеуйгурском языке представлена следующими показателями: *-tyn*, *-tin*, *-dyn*, *-din*.

(а) ...*qara nomlartyn jyraq kesip jürün nomlary tutmaqqa tajanyr*... (Suv 302, 14) «...удаляясь от несправедливых учений и опираясь на принятие справедливых учений...»; (б) ...*uusuz qydyysyz uluy emgäklig taluj ögüztin keürüp*... (Suv 430, 7) «...переправив через безграничный, большой океан горестей...»

Следует отметить, что форма исходного падежа является новообразованием, поскольку отдельный показатель зарегистрирован лишь в древнеуйгурских памятниках. Что же касается более раннего периода, то в языке древнетюркских рунических памятников функцию формы исходного падежа брала на себя форма местного падежа.

Форма инструментального падежа сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, является либо орудием (материалом), с помощью которого совершается действие, либо тем предметом, совместно с которым совершается действие [9, с. 82]. Форма инструментального падежа в древнетюркском языке представлена следующими показателями: *-yn*, *-in*.

...*saqyniyn sözin qylynuyn on türlüj suj jazıq qyltymyz ersär*... (Chuast L 41) «...если мы совершим десять различных грехов и прегрешений мыслью, словом и делом...».

Форма экватива (квантитативного падежа) [1, с. 94–96] сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, является объектом, (а) с которым сравнивают или (б) которому уподобляют другой предмет. Форма экватива в древнеуйгурском языке представлена следующими показателями: *-ua*, *-ud*.

(а) ...*any negülük munua keu keliürtünjüzlär*... (Suv 13, 8) // «...почему вы привели его так поздно?»; (б) ...*bir jylqa elig kün arıy dıntarua vuşanti olursuq törü bar erdi*... (Chuast L 115) «...был закон [совершать], подобно истинным динтарам, пятьдесят дней в году [совместное] сидение-трапезу...».

Форма направительного падежа сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, является объектом, к которому направлено действие. Данная форма падежа в древнеуйгурском языке представлена следующими показателями: *-yaru*, *-gärü*, *-jaru*, *-järü*.

...*tebäsinärü barmış*... (ThS II–V) «...он отправился к своим верблюдам...»; ...*beg er jontynyaru barmış*... (ThS II–V) «...бек отправился к своему табуна коней...»

В результате проведенного исследования материалов памятников древнеуйгурского языка были обнаружены примеры лексикализации направительного падежа. Это те случаи, в которых аффикс падежа присоединяется не к основе имени существительного, а к основе имени числительного *bir*. Здесь, скорее всего, приобретает смысл, который отображает совместность.

...*birlä birgärü etildi*... (Hüen. VIII: 0082) «...вместе совершаются...»; ...*birgärü men jämä*... (BTT XIII 46.8.6) «...вместе я также...».

Категория вторичной репрезентации (гипостазирования). В древнеуйгурском языке существуют формы, которые представляют то или иное мыслительное содержание в образах предмета, признака или обстоятельства. Следует полагать, что речь идет о предполагаемом окказиональном (т.е. осуществляемом эпизодически,

при наличии коммуникативной потребности) сопряжении отдельных лексем или сложных значений, репрезентируемых в речи словоформами, с классифицирующими значениями предметности, качественности, обстоятельственности, в результате чего передаваемое с помощью слов или словоформ мыслительное содержание предстает в образах предмета, признака или обстоятельства [1, с. 104]. Иными словами, предполагается, что функционирование таких форм сопровождается стандартными мыслительными операциями по преобразованию одной семантики в другую [1, с. 104]. Следует отметить, что в традиционной тюркологии аффикс *-ki* рассматривался в сфере словообразования, как аффикс, образующий «от существительных, местоимений... прилагательные, обозначающие предметы, которым что-либо принадлежит, которые являются местом чьего-нибудь пребывания» [3, с. 108–109; 6, с. 39]. В древнеуйгурском языке категория вторичной репрезентации представлена формой, образуемой при помощи показателя *-ki/-qy*, который может присоединяться непосредственно к основе слова (а), а также и к основе с аффиксом местного падежа (б).

(а) ...*jükünür biz kin keligmä ödki majtri atlyy burqan qutyña*...(БТТ II–14) «...мы поклоняемся благодати Будды по имени Майтри, который относится к эпохе после явления [Будды Шакьямуни]...»; (б) ...*бу ögüztäkilär*...(Hüen.V8–10) «...обитающие в трех реках...»

Особый интерес представляют случаи сочетания деепричастия *-r ärkän/-maz ärkän* с показателем *-ki*. Подобные образования функционируют как «атрибутивные». Например: ...*anıulaju jemä algu nomlar toymaz erkänki köñül etmäk jaratmaq üzä ermäz erip üzä oq quruu yruu erür*... (BUYZ I 256–257) «...душа, существующая в то время, когда ни какое учение не рождается, не создается путем творения и созидания, а его собственное существо пусто и светится...» [15, с. 221].

Категория именной сказуемости. При описании данной категории следует указать, что под термином «сказуемость» следует прежде всего понимать способность морфологической формы или категории выражать какое-либо конкретное мыслительное содержание в форме суждения [1, с. 106]. Традиционно категория сказуемости трактовалась как совокупность финитных форм, в которых лексемы именных классов (т. е. существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения и предикативы) выступают в высказываниях в функции сказуемого [16, с. 16–21]. Автором принимается точка зрения, что как в современном турецком, так и в древнеуйгурском языке именная категория сказуемости включает в себя более частные категории, каждая из которых представляет собой совокупность финитных форм, объединяемых общим модальным значением — изъявительной, субъективной и условной модальности [1, с. 134]. Следует отметить и то, что и в древнеуйгурском языке, и в других тюркских языках глагольная категория сказуемости более распространена, нежели именная. В древнеуйгурском языке следует выделять несколько подкатегорий именной сказуемости — подкатегорию времени (индикатива), субъективной оценки и условия. Две последние подкатегории часто трактуются как модальности [1, с. 115]. В данной статье автор остановился на рассмотрении только подкатегории времени. Частная именная подкатегория времени в древнеуйгурском языке представлена формами настоящего и прошедшего времени. Именная подкатегория настоящего времени представляет собой форму, состоящую из основы имени + личное местоимение (основа имени + *män*, основа имени + *sän*, основа имени + *biz*,

основа имени + **siz**, основа имени + **ol**). Судя по зарегистрированным примерам, чаще встречается именная сказуемость с личным местоимением третьего лица единственного числа **ol** (а). Следующими по частотности оказываются случаи использования личного местоимения первого лица единственного числа **män** (б). Однако автором диссертационного исследования были также зафиксированы и более редкие примеры с местоимением второго лица единственного числа **sän** (в), с местоимением первого лица множественного числа **biz** (г) и с местоимением второго лица множественного числа **siz** (д):

(а) ...*anua bilinlär: edgü ol!*... (ThS II–III) «...так знайте: это хорошо!...»; (б) ...*ala atlyy jol täjri män*... (ThS II–II) «...я Бог судьбы, [разъезжающий] на пегом коне...»; (в) ...*antay tip ynua sözlädi uluy kылüg sän tegin*... (BTT XIII 3, 1, 9) «...затем они вот так вот молвили: принц, ты великий и могучий...»; (г) ...*artuq sevinulig biz*... (BTT IX 141. 1) «...мы весьма радостные...»; (д) ...*antada basa šakimuni täjri täjrisi burqanny bir körmışkä baqşym siz tip jиниъъ jыкыъъ savur taplap tojyn bolup vazanpat edgüsinä tegdi*... (BTT IX 56, 3–5) «...затем будда, повинувшись Будде Шакьямуни со словами “Вы мой наставник”, поклонялся, полюбил, стал монахом и постиг благодать...».

Именная подкатегория прошедшего времени представляет собой форму, состоящую из основы имени + глагол **er-** («быть») в форме прошедшего категорического времени **-dy** + личный показатель. В ходе исследования автором были выявлены следующие формы прошедшего времени именной сказуемости:

...*nizvanysyz erdilär*... (Suv. 8, 24) «...они были бесстрашными...»; ...*kimlär erti*... (Suv. 1, 6) «...кто были...»; ...*öñrä ažunta qan erdiniz*... (Hüen. 0430–0431) «...в прошлом перерождении Вы были ханом...»; ...*ansyz eni artuq edgü ertim*... (BTT IX 15–16) «...я был совершенно спокоен и весьма счастлив...».

На основании сопоставления с формами простого прошедшего времени глаголов можно воспроизвести следующую парадигму форм прошедшего времени именной сказуемости:

	ед.ч.	мн.ч
1-е л.	ertim~ erdim	ertimiz~ erdimiz
2-е л.	ertin~ erdin	ertiniz(lär)~ erdiniz(lär)
3-е л.	erti~ erdi	erti(lär)~ erdi(lär)

В процессе обработки фактического материала автором статьи была обнаружена весьма интересная форма **qy-a**:

...*näkül öñisi syuyan qy-a işiu xu-a üzä aqtynyp sumir tayqa aqtynmaq alp ermäz ermiş timäkdä*... (Hüen. VIII 15, 18–21) «...в чем состоит его отличие от мыши, которая, взобравшись на цветочный горшок, скажет: оказывается, нетрудно взойти на гору Сумеру...».

Словоизменительный показатель **qy-a**, вероятно, можно отнести к формам, в которых отражены свойства предметов иметь малые размеры. Соответствующие словоформы передают информацию не только о размерах предметов, но и, вероятно, выражают отношение говорящего к описываемому явлению. Традиционно подобные формы именуются уменьшительно-ласкательными, однако, как представляется, в данном случае речь, скорее, идет о форме, которую следует включить в категорию **субъективной оценки**. Возникает справедливый вопрос, входят ли в данную катего-

рию еще какие-либо формы или же ее следует признать одночленной категорией. На данном этапе автор считает: для того чтобы сделать какие-либо выводы, необходимо большее количество примеров, а данная форма встречается достаточно редко в материалах памятников.

Итак, в статье были рассмотрены *пять* именных словоизменительных категорий, которые удалось выделить на основании фактического материала древнеуйгурского языка: *категория множественности, категория принадлежности, категория склонения, категория вторичной репрезентации (гипостазирования) и категория именной сказуемости.*

Литература

1. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 144 с.
2. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л.: Наука, 1980. 258 с.
3. Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1974. 101 с.
4. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Boston, 2004. 575 p.
5. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 570 с.
6. Севортян Э. В. Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 37–41.
7. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л.: Наука, 1977. 192 с.
8. Акбаев Ш. Х. К вопросу о происхождении посессивных аффиксов в тюркских языках // Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976. С. 7–10.
9. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Изд-во восточной литературы, 1986. 301 с.
10. Насилов В. М. Древнеуйгурский язык. М., 1963. 124 с.
11. Кондратьев В. Г. Очерк по грамматике древнетюркского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 65 с.
12. Gabain A. V. Alttürkische Grammatik. Leipzig: Otto Harrasowitz, 1950. 373 S.
13. Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Ч. 1: Грамматические категории имени существительного. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 99 с.
14. Гузев В. Г. Словоизменение существительных в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 92–114.
15. Телицин Н. Н. Инфинитные формы глаголы в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 179–230.
16. Севортян Э. В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 16–21.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Передняя Александра Дмитриевна — аспирант; alexisse@yandex.ru

Perednya Alexandra D. — post-graduate student; alexisse@yandex.ru